

Судьба не по рецепту

МАРИЯ
ВОРОНОВА

Клиника жертвы

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В75

Редактор серии А. Самофалова

Оформление серии Е. Елькиной

Воронова, Мария Владимировна.

В75 Клиника жертвы : роман / Мария Воронова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-155552-8

На сайте общественной организации появляется анонимный дневник молодой женщины, в котором она описывает свою семейную жизнь. Автор дневника живет в небольшом городе, замужем за представителем городской администрации — полное благополучие, за единственным исключением: муж периодически ее избивает. Она тщательно скрывает эту сторону своей жизни, а в дневнике пытается анализировать, почему стала жертвой.

В это же время в реанимацию с тяжелой травмой попадает женщина. Интернет-общественность связывает это событие с дневником, к таким же выводам приходит и следствие.

Но на деле все оказывается гораздо сложнее...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155552-8

© М. В. Виноградова, текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Глава 1

Увидев бывшую жену на пороге ресторана, Владимир Валентинович едва справился с волнением. Но, как подобает воспитанному человеку, поднялся и отодвинул для Марины стул. Она села и грустно улыбнулась ему.

— Узнал?

— Конечно. Ты совсем не изменилась.

Нейман не кривил душой. На его взгляд, жена выглядела абсолютно так же, как без малого двадцать лет назад. Марина сделала снисходительно-недоверчивую гримаску, Нейман немного успокоился, первый шок от встречи с прошлым отпустил. Он взгляделся в лицо женщины, которая когда-то — как давно, господи... — была частью его жизни. И все равно не увидел неумолимых следов времени.

— Будто я вчера посадил тебя в самолет... — вздохнул Владимир Валентинович. — А по твоим ножкам я узнал бы тебя и через тысячу лет.

Жена хихикнула, и он, чтобы скрыть смущение, подал ей папку с меню.

— Нет-нет, я буду только кофе. У нас ведь деловая встреча.

— Марина, разреши тебя угостить. Пожалуйста. Если ты не голодна, закажи что-нибудь экзотическое и страшно дорогое.

Мурлыкнув себе под нос, что Нейман за прошедшие годы стал необыкновенно галантен, она раскрыла меню. Оба не были искушены в высокой кухне, и после консультации с официантом Владимир Валентинович попросил два бокала хорошего красного вина, птифуры и кофе с молоком. Сделав заказ, он невольно усмехнулся — слишком этот набор напоминал их студенческие посиделки в кафетерии возле института, где училась Марина. Суть не меняется, и вкус, наверное, тот же, только кофе подали в изящных чашечках, а не в жутковатых бокалах с вытертым почти до полного исчезновения золотым ободком.

Пригубив вина, Марина достала из сумочки толстый блокнот.

— Что ж, Нейман, давай подведем итоги, — сухо сказала она. — С девяносто девятого года я готова отчитаться перед тобой за каждую копейку, которую ты мне переводил. Предыдущие три года мы жили трудно, приходилось тратить твои деньги на текущие расходы, поэтому четкой бухгалтерии я не вела.

— Что ты, Марина! Я вовсе не требую отчета. Эти деньги ты могла тратить как считала нужным.

Она нетерпеливо отмахнулась.

— Ты ознакомься с документом. Зря я, что ли, вела финансовую отчетность? Тут нет ничего сложного. Весь девяносто девятый и двухтысячный только приход, это было время первичного накопления капитала. Потом твои алименты уходили на взносы по ипотеке. Три месяца назад я все выплатила, и теперь у твоего сына есть отдельная квартира. Маленькая, правда, но будет куда привести жену на первых порах. А пока я ее сдаю.

Нейман пробежал глазами аккуратные столбцы цифр.

— А вот здесь все чеки... — Марина потянулась к сумочке.

Нейман остановил ее:

— Я тебя умоляю! Принимаю и утверждаю без замечаний.

— Тогда дальше. Все эти годы ты переводил мне внушительную сумму как в рублевом, так и в процентном выражении...

Владимир Валентинович поморщился:

— Давай говорить человеческим языком.

— Хорошо. Володя, ты присылал мне гораздо больше, чем двадцать пять процентов. Хотя по закону мог вообще ничего не присылать. Я знаю, ты уволился из армии, твои доходы, надо думать, упали, поэтому, хоть ребенку еще и не исполнилось восемнадцати, я могу освободить тебя от алиментов.

— Зачем же? Я не нищий. Полон сил и собираюсь еще потрудиться.

Марина пожала плечами, дав понять, что Нейман имеет право жить как считает нужным.

— Серьезно, милая, — продолжал он. — Пятеро детей не шутка, и я считаю, что должен снять с вас бремя расходов на Сашеньку. Не хочу называть сумму алиментов, пока не устроюсь на работу, но в любом случае можешь на меня рассчитывать. Только прошу тебя, разреши мне видеться с сыном.

Она опустила глаза и нервно забарабанила пальцами по столу.

— Лучше ты мне денег больше не давай.

— Марина! Это мой ребенок!

— Был, — безжалостно отрезала она. — Валерий уснул Сашу сто лет назад. Ты, между прочим, не возражал.

Нейман оторопел. Жена сурово вздернула подбородок и одним глотком допила вино, видимо, считая разговор законченным.

— Подожди, подожди. — Владимир Валентинович кивнул официанту и заказал еще два бокала вина. — Ты не хуже меня знаешь, что я давал это разрешение только в интересах сына. Никакой выгоды для себя я не извлек, посмотри в своем блокноте.

— Да, Володя. — Ее маленькая хрупкая рука, которой он так восхищался много лет назад, примирительно легла на его запястье. — Ты всегда заботился о сыне, прошу тебя, подумай о нем и сейчас.

Владимир Валентинович посидел молча, наслаждаясь теплом ее ладони, и не сразу вспомнил, что это тепло давно ему не принадлежит.

— Что плохого случится, если мальчик познакомится с отцом? Я не алкаш, Марина, как ты видишь, вполне достойный человек.

Потянувшись за сигаретами, она убрала руку, и Нейман очнулся.

— Ты не понимаешь? — быстро, проглатывая слова, говорила Марина. — Нет, ты все понимаешь, просто приговариваешься дураком, как обычно!

— Откуда ты знаешь — как обычно? За шестнадцать лет мои повадки могли измениться.

— Володя, перестань! Саша живет в большой дружной семье. Он знает, что у него есть мама и папа, братья и

сестры. Ты предлагаешь сказать, что папа ему не папа, а мама — нехорошая женщина, бросила первого мужа?

— Давай скажем, что я тебя бросил.

— Отец-подлец? Это бессмысленно, он просто пошлет тебя подальше. Нейман, ребенку не нужны психологические травмы, особенно сейчас, когда формируется его характер.

Горько вздохнув, Владимир Валентинович попросил счет. Ясно, что переубедить Марину не удастся, по решительно сжатым губам видно: она станет бороться до конца.

— Что страшного, если ребенок узнает, что я отослал вас к родителям, когда ему было полгода? Ты же помнишь, как тогда было туго с деньгами, и тебе нужно было окончить институт. И ничего позорного нет в том, что ты решила связать свою судьбу с вдовцом, обремененным двумя маленькими детьми. Наоборот, ответственный и мужественный поступок. А ребенку, чтобы он чувствовал себя равным среди других детей, лучше было расти рядом с настоящим отцом, если не с биологическим, то с юридическим. Поэтому я дал разрешение на усыновление. Если мы все объясним Саше, он поймет. Марина, пожалуйста... Я специально получил квартиру в Ленинградской области, чтобы быть ближе к сыну. Я могу навещать его хоть каждый день, и он пусть приезжает когда захочет...

— Он не захочет, — отрезала Марина. — Ты для него чужой человек, он шестнадцать лет жил, не подозревая о твоём существовании. Зачем ты ему нужен?

— Я смотрю, я вообще никому не нужен.

— Володя, не начинай... Своим появлением ты только разрушишь жизнь собственного сына. Подумай о его чувствах, если он тебе дорог.

— Это ты, Марина, разрушила мою жизнь, — буркнул Нейман. — А теперь, когда я хочу из ее обломков соорудить маленький шалашик, ты и в этом мне отказываешь. Я всегда думал о твоих чувствах, о Сашиных, о чьих угодно, только не о своих собственных.

— Судьба такая, что поделаешь.

— Не фамильярничай со мной, ты давно не имеешь на это права! Я хочу общаться со своим сыном, и буду! Обойдусь без твоего разрешения.

Бывшая жена взглянула на него побелевшими от ненависти глазами.

— Попробуй. Я скажу Саше, что ты — сумасшедший, а если тебе все же удастся убедить его в том, что ты его отец, я такого наговорю ему про тебя, что он даже плюнуть не захочет в твою сторону.

— Ты способна травмировать его психику, сказав ему, что в нем течет кровь подонка?

— Не волнуйся, я найду что ему сказать! Нейман, серьезно тебе говорю — не лезь в нашу жизнь. Появлением в нашей семье ты никого не осчастливишь, в том числе себя самого.

— Марина, мы взрослые люди. Уверен, мы сможем найти решение, которое устроит всех. Если ты перестанешь упрямиться и поймешь справедливость моих притязаний.

Жена встала. Нейман уже расплатился, ничто не задерживало его в ресторане, и он отправился за ней.

— Ты сам отослал меня к своим родителям, я не хотела ехать, — сказала Марина. — Если бы я осталась с тобой, осталась бы навсегда.

Нейман подал ей куртку. Очень скромная вещичка, выглядящая эффектно только благодаря точеной фигурке бывшей жены. В юности Марина обожала наряжаться, но когда в семье пятеро детей — в браке с Валерием она родила еще двоих, — невозможно дорого и стильно одеваться.

— Зачем ты говоришь мне то, что я повторяю себе каждый день? — горько спросил он. — Прошое не вернешь. И того факта, что Саша — мой сын, тоже не изменишь. Я хочу его видеть. И найду такую возможность.

— Не пугай.

— Не буду, — согласился Нейман и нарочито равнодушно усмехнулся. — Я в суд обращусь, пусть он тебя пугает.

Марина остановилась в дверях. Услышав про суд, она сразу как-то съежилась и с мольбой посмотрела на Неймана. Но его этот взгляд не тронул. Он знал, что сам мог бы смотреть на нее так хоть неделю, Марина даже не поморщилась бы.

— Какой суд, Нейман, ты с ума сошел? — прошептала она.

— Обычный суд, самый гуманный суд в мире. — Владимир Валентинович не смог приглушить злорадные нотки в голосе, да не очень и старался. — Если мы с тобой не можем договориться, то разумно обратиться к компетентным и беспристрастным людям. Доказать отцовство мне будет нетрудно, это раз. Квитанции от переводов, доказывающие, что я добросовестный родитель, у меня есть. Что еще надо для счастья? Мать и отец у нас имеют равные права.

— Умоляю тебя, не делай этого!

— Тогда давай решим, когда и как ты меня с ним познакомишь.

— Только не дави на меня! Дай мне время все обдумать. Нейман распахнул перед ней тяжелую дверь ресторана.

— Хорошо, месяц. Как раз я обживусь на новом месте, устроюсь на работу... Но это последний срок, Марина. Если ты снова начнешь тянуть, я подам в суд.

Бросив Нейману, чтобы не провожал, она быстро ушла. Нейман грустно проследил за ее маленькой решительной фигуркой.

На душе было гадко и смутно. Мысль напугать бывшую жену судом родилась экспромтом, Нейман ничего такого не планировал. Но радости от того, что неожиданная находка оказалась действенной, Владимир Валентинович не испытывал.

«К черту, — уговаривал он себя, — я имею право на встречи с сыном, а если Марина поступает как бандитка с большой дороги, почему я должен это безропотно терпеть? Вполне нормально — тот, к кому пытаются применить силу, обращается за помощью к закону. Почему мне кажется, будто я поступаю непорядочно? Не потому ли, что я всю жизнь отказываюсь от того, что мне принадлежит? Беру только то, что мне предлагают с милой улыбкой и поясным поклоном, а сказать “Эй, дружище, ну-ка отдай мое!” кажется мне таким непроходимым жлобством, что я предпочитаю вовсе обойтись без этого... Я мог бы не отпустить жену. Мог бы не давать ей развода. Мог бы отказать Валерию в усыновлении... Да элементарно приехать в отпуск и дать ему в глаз, чтоб знал, как чужих жен уводить!

Но так хотела Марина, а мне почему-то ее желания казались важнее моих законных прав».

Размышляя таким образом, Нейман дошел почти до конца улицы Восстания. Остановился возле мрачного серого дома в стиле модерн. Когда-то они с Мариной снимали здесь комнату. А она, наверное, даже не вспомнила, что здесь был их первый дом. Как все изменилось за эти годы... Вот тут, на углу Восстания и Кирочной, был гастроном, где они покупали готовые котлеты по двенадцать копеек, а иногда прилавок-холодильник бывал завален телами, другого слова не подобрать, молочных поросят. Марина тогда боялась ходить в магазин. Стены были выкрашены облупившейся серо-желтой краской, а в центре зала возвышалась будка с кассовым аппаратом, который гремел и звенел, пробивая чек. Теперь тут торгуют компьютерами. А в этом полуподвале была булочная. Хлеб лежал на высоких деревянных стеллажах, к каждому стеллажу была привязана большая двузубая вилка, с помощью которой следовало определять свежесть буханок. За стеллажами — окошко, где тетка в белом халате с помощью стрелочных весов отпускала сухари и пряники в кульки из грубой серой бумаги. Все изменилось. Булочной давно нет, вместо аромата свежих плюшек магазин пропитался запахом дорогих духов.

Владимир Валентинович немного походил по подвальному, вспоминая, как было раньше. Даже купил пенку для бритвы, навязанную томной художавой продавщицей.

«А как изменились женщины! — по-стариковски посетовал он. — По сравнению с девушками моей юности нынешние — просто другая ветвь эволюции».

Чтобы не очень уж грустить, Нейман подбодрил себя любимым изречением адмирала Нахимова: «У русского моряка нет легкого или трудного пути. Есть только один путь — славный». Что ж, он прошел этот славный путь. Ему не в чем упрекнуть себя. Только семья осталась почти в самом начале пути.

Слишком далеко. Не вернешь, не вернешься.

Я сразу узнаю жертву. Как? Напишу, что по особому тусклому взгляду, горькой безвольной складке рта, но это будет не совсем правда. Это было бы слишком просто. Жертвы любят выглядеть как победители, они смеются и напоказ радуются даже больше, чем обычные люди. Особенно когда от них этого ждут. Но я их все равно быстро вычисляю. Вокруг них серое, унылое поле, которое я ощущаю своими обостренными чувствами. Я узнаю их, как опытный врач сначала угадывает болезнь инстинктом и лишь потом находит доказательства своей правоты.

Мне пришлось очень хорошо их узнать, чтобы никто не узнал меня...

После тесноты общежития новая квартира казалась Нейману дворцом. Она действительно была хороша: с большой комнатой, просторным холлом и гигантской, в понимании неизбалованного Владимира Валентиновича, кухней. Рядом с кухней Нейман с восторгом обнаружил еще одно большое помещение — столовую, так что однокомнатной его квартиру можно было назвать только формально.

Родина расплатилась с ним сполна, и даже больше. Вместе с лоджией площадь немного превышала положенный

ему норматив, даже с учетом дополнительных двадцати пяти «командирских» метров, но чиновники закрыли на это глаза. Едва Владимир Валентинович осознал эту радостную новость, как получил еще один подарок: апартаменты предстали перед ним не бетонной пещерой, как он ожидал, а во всем великолепии новой отделки, такой добротной и приятной глазу, что ему не захотелось ничего менять. В кухне даже была подключена плита. Единственное, что могло бы испортить настроение взыскательному новоселу, — это линолеум, постеленный во всех помещениях. Но обалдевший от счастья Владимир Валентинович решил, что так даже лучше. Никаких трудностей с уборкой.

Он бродил по своему персональному раю, открывал встроенные шкафы, в которые ему нечего пока было положить, и чувствовал, как из непримиримого оппозиционера стремительно превращается в благодарного и лояльного гражданина. Настолько лояльного, что даже слова «реформа армии» больше не вызывали у него возмущения.

«Я честно свое отслужил. Почти тридцать лет. Мое время прошло. Как говорится, мы не успели оглянуться, а сыновья уходят в бой. И они сами разберутся, как жить».

Пора было думать о трудоустройстве. Новое ощущение вызывало в душе тревожный холодок. С восемнадцати лет Нейман привык ощущать себя частью могучей системы, и внезапно наступившая свобода воспринималась им как незащищенность. Каково это — самому распоряжаться своей судьбой?

Планируя жизнь после отставки, он собирался устроиться в гражданский флот, но оказалось — чтобы занять должность, соответствующую его статусу командира подводной